

Автор перевода: Джейме

**Stephen King
Finders Keepers**

1978

- Проснись, гений.

Но Ротштейн не хотел просыпаться. Слишком уж хорош был сон. И задействована в том сне была его первая жена - впрочем, до того, как она таковой станет, оставалось еще шесть месяцев. Семнадцатилетняя и безупречная - с головы до ног, ослепительно-нагая. И он был наг. Ему во сне было девятнадцать, грязь набилась ему под ногти, но это ее, похоже, не волновало. По-настоящему волнительно было то, что в Ротштейновой голове кружились фантазии, и она была готова воплотить их первой его, и ему это нравилось. Во сне она смеялась и порывалась схватить его за то самое место, которое само напрашивалось, чтоб его схватили. Ротштейну хотелось уснуть крепче, чтобы ничто не мешало, но чья-то рука начала трясти его за плечо, и сон растаял, будто сахар в горячей воде.

А наяву он, уже давно не девятнадцатилетний, уже давно - не хозяин двухкомнатной квартирушки в Нью-Джерси, очутился на ферме в Нью-Гемпшире (на территории которой его, согласно завещанию, надлежало похоронить). Наяву - каких-то шесть месяцев отделяли его от восьмидесятого дня рождения. А еще наяву в его спальне оказались трое каких-то мужиков в цветастых горнолыжных масках. Один в красной, другой в синей, последний - в канареечно-желтой. Завидев их, Ротштейн попытался убедить себя, что все еще спит и видит какой-то другой, менее приятный, сон - как ни печально, но так ведь бывает, сладкая греза обращается кошмаром... но потом рука, мучившая его плечо, подалась вперед и стащила его на пол. Крепко приложившись головой об пол, он вскрикнул.

- Эй, полегче, - сказал детина в желтой маске. - Ты ж не хочешь его сразу вырубить?

- Гляньте, гляньте! - включился тот, что был в красной маске. - У старичка - стоячок. Небось, грязные снишки снились!

Синяя Маска - тот, который тряс Ротштейна, - заметил:

- Да ему просто ссать спичит. В таком возрасте ни от чего другого не стоит. Вот, помнится, дедушка мой...

- Заткнись, - сказал Желтая Маска. - На хрен твой дедушка никому тут не сдался.

Конкурс на лучший перевод первой главы романа Стивена Кинга Finders Keepers

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>),
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>) и
Виктор Вебер

Пусть даже огорошенный, пусть - не выпутавшийся до конца из обтрепавшихся теней сна, Ротштейн сразу понял, что угодил в переplet. Два слова мгновенно вспыхнули в сознании: *взломщики явились*.

Он глядел снизу вверх на троицу, материализовавшуюся невесть откуда в его спальне. Голова старика болела (а на правом виске непременно теперь вскочит большой синяк, спасибо этим разжижающим кровь таблеткам, что я глотаю), изношенное, тонкостенное сердце колотилось о самые ребра. Они нависали над ним, трое мужчин в перчатках и ветровках из шотландки, лица скрыты этими ужасными шапками-масками. *Взломщики явились*, подумал он, а откуда до города - пять добрых миль.

Ротштейн собрался с мыслями, стряхнул остатки сна и решил, что положительный момент во всем этом ужасе все же есть: раз они скрывают от него свои лица, значит, убивать его не намерены.

Да, быть может, все именно так.

- Джентльмены... - воззвал к ним он.

Желтая Маска рассмеялся и показал ему большой палец.

- Отличное начало, гений.

Ротштейн ответил ему кивком - будто на комплимент. Мельком глянув на прикроватные часы - 2:25 ночи, - он вновь обратил взгляд к Желтой Маске, который вполне мог быть у этой троицы заправилкой.

- У меня не очень много денег. Но вы, пожалуйста, берите их все. Только не трогайте меня.

Ветер ворошил листья у западной стены дома. До ушей Ротштейна донеслось ворчание топки, первый раз - с самой весны. А лето-то было, вроде как, еще вчера!

- По нашим сведениям, - заявил Красная Маска, - у тебя их куда больше, чем *немного*.

- Тихо. - Желтая Маска протянул Ротштейну руку. - Поднимайся, гений.

И Ротштейн, придерживаясь за Желтую Маску, поднялся. Не удержавшись на трясущихся ногах, сел на постель. Дыхание сорвалось. Но, несмотря на все это, перед его глазами четко (самоанализ был одновременно и проклятием, и благословением всей его жизни) стояла та картина, которую он собой сейчас являл: старик в пузырящийся пижаме, лысый - если не считать двух седых унитазных ершиков за ушами. Вот во что превратился писатель, попавший - аккурат в год становления Кеннеди президентом, - на обложку "Тайм" с заголовком: ДЖОН РОТШТЕЙН, ГЕНИАЛЬНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ-ЗАТВОРНИК.

Проснись, гений.

- Отдышись, - сказал Желтая Маска. Прозвучало участливо, но Ротштейн на тон не повелся. - Сейчас пойдем в гостиную, а там уж обсудим все, как нормальные люди. Спешить некуда. Успокойся.

Ротштейн дышал медленно и глубоко, чувствуя, как запинается сердце. Он пробовал думать о Пегги, о ее пусть маленьких, но восхитительных грудках, длинных ногах и гладкой коже, но сон уже

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>),
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>) и
Виктор Вебер

нельзя было вернуть - как и молодость Пегги, ставшей желчной старухой и проживавшей сейчас в Париже на его деньги. Хорошо хоть, что Иоланда, его вторая жена, умерла, и не нужно было больше выплачивать алименты.

Красная Маска вышел из спальни, и теперь Ротштейн слышал, как в его кабинете совершались какие-то передвижки. Хлопали, закрываясь-открываясь, ящики стола и шкафа. Что-то грохнулось на пол.

- Ну как, лучше? - осведомился Желтый.

Ротштейн кивнул.

- Ну тогда пошли.

Он позволил отвести себя в маленькую гостиную - Желтая Маска держал его под левую руку, Синяя под правую. Шум в кабинете не смолкал. Вскоре Красный доберется и до стенового шкафа. Отодвинет в сторонку два пиджака и три свитера - и обнаружит сейф. Непременно обнаружит.

Ну и ладно. Коль скоро они не возьмут мои тетради - ничего страшного; зачем таким ребятам тетрадки? Им же денег подавай. Они, может статься, вообще ничего сложнее раздела писем в "Пентхаусе" не читали.

Насчет Желтой Маски, впрочем, он не был так уверен. Тот, если судить поговору, мог быть и образованным.

Весь свет в гостиной был включен, все шторы - раздернуты. Чуткие соседи непременно поинтересовались бы, что это в такой поздний час происходит в доме старика-писателя... да вот только не было у него никаких соседей. Ближайшие дома были от него в двух милях, у главной автомагистрали. У него не было друзей. К нему не заходили гости. Коммивояжеров он не жаловал. Типичный Странный Старик. Ушедший на покой писатель, затворник. Платил налоги и наслаждался одиночеством.

Синий с Желтым усадили его в кресло-качалку, перед экраном старого и редко включаемого телевизора. Сесть он захотел не сразу - и потому Синему пришлось буквально втолкнуть его туда.

- Полегче! - бросил Желтый, и Синяя Маска отступил на шаг, ворча себе что-то под нос. Да, Желтый главарствовал над всеми ними, определенно. Желтая Маска был заправилкой.

Заправила наклонился к Ротштейну, уперев руки в колени, обтянутые вельветовыми брюками.

- Хочешь, плеснем тебе чего-нибудь для смелости?

- Если вы про алкоголь - я с ним завязал двадцать лет назад. По предписанию врача.

- Здорово. На собрания ходил?

- Я не был алкоголиком, - раздраженно ответил Ротштейн. Раздражаться в его положении было сродни сумасшествию... хотя, почему бы и нет? Разве есть какие-то конкретные указания к тому, как лучше действовать, когда посреди ночи тебя вытаскивают из кровати какие-то мужики в цветастых лыжных масках? Он попытался представить, как бы написал подобную сцену - но на ум ничего не шло. Ночные взломы ему

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>),
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>) и
Виктор Вебер

расписывать не доводилось. - Я понимаю, принято считать, что в двадцатом веке любой Человек Пишущий *обязан* быть пропойцей...

- Ладно, ладно, хорошо - остановил его Желтая Маска. Будто призывал к благоразумию малыша-грубияна. - Воды?

- Нет, благодарю вас. Если я сейчас чего и хочу - так только чтоб вы, все трое, покинули мой дом. Давайте по-честному. - Ротштейн гадал, был ли Желтая Маска знаком с одним из главенствующих принципов человеческого общения: если кто-то говорит "давайте по-честному", значит, он, скорее всего, собирается наврать с три короба. - Мой бумажник на комод в спальне. Там что-то около восьмидесяти долларов. А вон там, на каминной полке, чайник...

Он показал. Синяя Маска повернул голову, но Желтый Заправила продолжал смотреть на Ротштейна. В глазах в прорезях маски едва ли не веселые искорки плясали. *Не работает*, подумал Ротштейн, но сдаваться раньше времени не стал. Теперь, окончательно проснувшись, он не только боялся, но и сильно-сильно злился на эту бесцеремонную тройцу. Понимая, впрочем, что лучше эту злость пока не выставлять напоказ.

- Вот там я держу деньги на оплату счетов. Пятьдесят или шестьдесят долларов. Вот и все, что есть в доме. Забирайте - и уходите.

- Лживая мразь, - сказал Синяя Маска. - У тебя тут куда больше припрятано. Уж мы-то знаем, поверь.

И тут, будто актер театра, вспомнивший свою роль, закричал Красный:

- Бинго! Я тут сейф нашел! Ух, какой большой!

И, хоть Ротштейн и оговорил про себя ранее, что сейф так или иначе найдут, сердце его ушло в пятки. Да, он был достаточно глуп, чтобы держать наличные в доме. И все - лишь из-за его нелюбви к кредиткам, чекам, ценным бумагам и прочим денежным эквивалентам, этим цепям, что впутывали народ в самую верную и самую смертоносную американскую кабалу: Великую Банковскую Систему Займов и Трат. Впрочем, сейчас наличные могли спасти его. Деньги - навоз, сегодня их нет, а завтра их воз. А вот с более чем полторастами тетрадами такой фокус не пройдет.

- Теперь - циферки, - сказал мистер Синий, прищелкнув затынутыми в перчатки пальцами. - Давай, выкладывай.

Ротштейновой злости уже почти хватало на то, чтобы отказать в резкой форме - ведь, согласно словам Иоланды, злость была его стандартным состоянием по жизни и разозлился он, надо полагать, едва появившись на свет. Но сейчас накладывались злость и усталость. Стоит ему замкнуться - они начнут выколачивать из него эту комбинацию цифр для замка. И все это, возможно, кончится еще одним сердечным приступом, который с высокой долей вероятности убьет его.

- Если я назову вам цифры, вы заберете деньги и уйдете?

- Мистер Ротштейн, - сказал Желтая Маска с гротескно-искренней вежливостью. - Вы сейчас не в том положении, чтобы торговаться.

Фредди, сходи за мешками.

На Ротштейна повеяло холодком, когда Синяя Маска, он же Фредди, вышел через кухонную дверь. Желтая Маска же продолжал улыбаться. Ротштейна уже начинало мутить от этих криво выгнутых, слишком алых губ.

- Давай, Гений, говори. Раньше начнем - раньше и кончим.

Вздыхнув, Ротштейн продиктовал шифр, открывающий гардолловский замок сейфа, вмонтированного в дальнюю стенку шкафа:

- Три, два щелчка влево, тридцать один, два щелчка вправо. Восемнадцать, щелчок влево, девяносто девять, щелчок вправо. Потом - всё обнуляйте.

Улыбка в прорези маски, обрамленная алыми губами, стала шире. Показала зубы.

- Стоило мне догадаться... Дата рождения.

И пока Желтая Маска передавал шифр мужчине у шкафа, Ротштейн подвел несколько малоприятных итогов. Синего с Красным интересовали только деньги. Желтый тоже мог оказаться в доле, но Ротштейну не верилось, что одни лишь наличные - главная цель человека, продолжавшего обращаться к нему как к гению. Словно в подтверждение этих мыслей Синий вернулся - с еще одним сквознячным порывом и с четырьмя дорожными сумками. Они свисали с его плеч - по две с каждого.

Из кабинета послышался крик Красной Маски:

- Божечки-святые, Морри! Каков куш! Эй, псы, да тут куча денег! Все в банковских конвертах, а конвертов этих тут десятки!

Шестьдесят - как минимум, мог бы сказать Ротштейн. А может, и все восемьдесят. По четыре сотни баксов в каждом. Все - от Арнольда Эйбела, моего бухгалтера из Нью-Йорка. Дженни обналичивает чеки, потом привозит мне конверты, и я кладу их в сейф. И - вот забава: мне их почти некуда тратить, потому что все крупные счета Эйбел оплачивает из Нью-Йорка. Порой я даю чаевые Дженни, на Рождество - отсчитываю немного почтальону, вот, считай, и все траты. И так уж давно повелось, и знаешь, почему? Арни никогда не удосужится поинтересоваться, куда я деваю эти деньги. Может, думает, что я трачусь на проститутток, на двоих - разом, допустим. Может, считает, что я проставляюсь по-крупному на ипподроме в Рокингэме.

Но, что по-настоящему смешно, мог бы сказать Ротштейн Желтой Маске (или Морри), я ведь и себе никогда таких вопросов не задавал. Никогда не спрашивал себя и о том, почему я до сих пор исписываю тетрадь за тетрадь. Что-то всегда происходит само собой.

Он мог бы сказать все это вслух, но решил смолчать. Не потому, что Желтая Маска не понял бы, о чем он толкует. Улыбка в обрамлении алых губ указывала на то, что он-то как раз понять может.

И, коли поймет - отложит в памяти.

- Что там еще? - спросил Желтый, не сводя глаз с Ротштейна. - Коробки есть? Коробки для хранения рукописей, большие такие, как я

тебе описывал?

- Коробок нет, есть тетрадки, - доложилась Красная Маска. - Чертов сейф ими под завязку набит.

Желтая Маска улыбнулся, глядя Ротштейну в глаза.

- По старинке, от руки? Вот, значит, как работают гении?

- Прошу вас, - произнес Ротштейн. - Не троньте хоть это. Я не хочу, чтобы кто-то это видел. Там нет ничего завершеного.

- И никогда не будет, сдастся мне. Ты ведь жадина. - Огоньки в его глазах - ирландский блеск, как подумал Ротштейн, - исчезли. - Да и зачем что-то публиковать, если потребности в деньгах нет? Тебе до сих пор платятся потиражные с "Марафонца". И со второй книги - "Марафонец в действии". И с третьей - "Марафонец сбавляет свой бег". Знаменитая трилогия о Джимми Голде - всегда и в любом магазине! Даже в колледжах ее проходят. Скажи спасибо преподавательскому лобби, что считает, что круче тебя и Сола Беллоу свет не носил - всегда найдутся недоучки, готовые тратить на твои книги деньги. И все вроде бы хорошо, не так ли? Так стоит ли рисковать, публикуя что-то, что может оцарапать твою золоченую репутацию? Ты можешь позволить себе залечь тут и сделать вид, что внешнего мира нет. - Желтая Маска покачал головой. - Друг мой гениальный, благодаря тебе у понятия "закупорка" появился еще один смысл.

Синяя Маска продолжал торчать в дверях.

- Мне-то что делать, Морри?

- Ступай к Кёртису. Уложите все хорошенько. Если для всех тетрадей места не хватит, придумайте что-нибудь сверху. Даже у такого пробивного домоседа, как наш гений, должен сыскаться хоть один чемодан. Деньги пересчитывать даже не вздумайте. Я хочу отсюда смыться поскорее.

- О'кей. - И Синяя Маска, он же Фредди, ушел.

- Не делайте этого. - Дрожь в собственном голосе испугала Ротштейна. Иногда ему удавалось забывать о своем истинном возрасте, но - этой ночью подобное было исключено.

Мужчина, которого называли Морри, наклонился к нему. Из прорезей желтой лыжной маски на Ротштейна уставились серые с зеленоватым отливом глаза.

- Я хочу у тебя кое-что спросить. Ответишь честно - тогда, может быть, я не трону все эти записи. Готов быть честным, гений?

- Попробую, - сказал Ротштейн. - Кстати, я себя гением никогда не выставлял. Так меня называли в "Тайм".

- Зуб даю, протестного письма в редакцию ты потом не посылал.

На это у Ротштейна не нашлось ответа.

Сукин сын, подумал он. Умник чертов. Ничего ты мне оставлять не собираешься, так ведь? И не так уж важно, получается, что я там тебе отвечаю.

- Я вот что хотел у тебя спросить: Бога ради, почему ты бросил Джимми Голда? Почему ты вытер об него ноги?

Конкурс на лучший перевод первой главы романа Стивена Кинга Finders Keepers

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>),
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>) и
Виктор Вебер

Вопрос, столь неожиданный, застал Ротштейна врасплох, и он даже не сразу понял смысл слов, сказанных Морри - несмотря на то, что Джимми Голд был самым известным из всех придуманных им литературных героев. Именно Джимми Голд вписал имя своего создателя в летопись истории - неизвестно, правда, будет ли кто-то в будущем эту самую летопись читать. В статье, назвавшей Ротштейна гением, Джимми Голд был наречен "символом американского отчаяния в поле пресыщенности". Та еще чепуха, если подумать - но продажи после нее возросли.

- То есть, вы хотите сказать, что на "Марафонце" мне следовало остановиться... что ж, вы такой не один. - Это являлось правдой лишь наполовину. Продолжение, "Марафонец в действии", закрепило за ним позицию серьезного американского романиста, а третий роман, "Марафонец замедляет свой бег", считался пиком его карьеры. На него посыпались положительные отзывы критиков, он шестьдесят две недели продержался в списке бестселлеров "Нью-Йорк Таймс". Не стоит забывать и Национальную книжную премию - пусть даже на награждение Ротштейн не явился. *"Илиада" в реалиях послевоенной Америки* - так оценили его работу, и не только завершающий роман, а всю трилогию.

- Я не это хочу сказать, - покачал головой Морри. - "Марафонец в действии" ни на йоту ни хуже. Может, даже лучше. Эти две были сделаны на совесть. Но последняя книга - это какое-то форменное безобразие, мужик. Какая-то долбанная ярмарка тщеславия. Реклама? Seriously, реклама?

И Желтый сделал кое-что, от чего у Ротштейна в горле встал ком, а в животе выросла ледяная глыба: медленно и будто бы рефлекторно стянул с головы маску, явив старику свое лицо - лицо молодого бостонского ирландца, огненноволосого и бледного, словно плохо вымешенное тесто. На такого цвета коже подчеркнуто-алые губы смотрелись неестественно.

- Дом в пригороде, значит? "Форд-седан" на подъездной дорожке, значит? Жена и двое сопливых ребятишек? То есть, ты хотел сказать, "все продаются"? Все едят крысиный яд?

- Там, в тетрадах...

В тетрадах - еще два романа про Джимми Голда, хотел сказать Ротштейн. Два завершающих цикл романа. В первом Джимми, осознав пустоту жизни в пригороде, уходит с работы, из семьи, из уютного коннектикутского дома на своих двоих, в чем есть, с одной лишь заплечной сумкой. И - становится повзрослевшим подростком, которого выгнали из школы, не приняли в семье, забрали в армию после одной большой выходной попойки в Нью-Йорке.

- В тетрадах - что? - спросил Морри. - Ну же, гений, расскажи мне. Расскажи, почему ты сбил Джимми с ног и поставил пятку ему на затылок.

В романе *"Марафонец бежит на запад"* он снова обретает себя, хотел сказать Ротштейн. Свое истинное "я". Но Желтый показал лицо, порядком помрачнел, и вдобавок тянул из правого кармана куртки из шотландки

пистолет.

- Ты создал одного из лучших героев американской литературы, - заявил он, - а потом собственноручно опустил его. Кто так делает - тому нет прощения.

И тут злость выплеснулась из него. Приятный сюрприз.

- Если ты так думаешь, - ответил Джон Ротштейн, - значит, никогда не понимал ни слова из всего того, что я написал.

Морри прицелился в него. Дуло уставилось на писателя черным зрачком.

Ротштейн в ответ наставил на Морри изуродованный артритом палец - словно дуло своего оружия. И, торжествуя, отметил, как молодой ирландец захлопал глазами и чуть сжался.

- Не нужно грузить меня своей идиотской литературной критикой. Я ее предостаточно выслушал еще до того, как ты на свет появился. Сколько тебе лет-то? Двадцать два-то хоть будет? Двадцать три? Что ты о жизни знаешь, не будем уж о литературе?

- Достаточно, чтобы знать, что не все продаются. - И, когда ирландские глаза налились тяжелыми крупными слезами, Ротштейн поразился. - Не смей читать мне лекции про жизнь. Ты двадцать лет сидел тихой мышкой в этой дыре и нос наружу не показывал. Не смей.

Старая подначка - да как ты смеешь уходить из Зенита Славы? - обратил давившую изнутри злость в полноценную ярость. Ту самую, когда посуда летит на пол, а мебель разбивается в щепки - ярость, хорошо знакомую и Пегги, и Иоланде. Лучше умереть в такой вот ярости, чем в страхе и мольбе.

- И как ты обналичишь те мои работы? Ты об этом думал? Сдается мне, думал. Сдается мне, ты понимал, что с тем же успехом можно попробовать втюхать кому-нибудь украденные черновики Хэмингуэя или картину Пикассо. Но твои друзья не такие образованные, как ты, не так ли? По тому, как они говорят, мне все сразу видно. Им-то известно то, что известно тебе? Уверен, нет. Но ты-то им уши накрутил, наверное. Показал им солнышко в небе и сказал, что все могут от него по куску отхватить. И всем при этом хватит. Да, убеждать ты наверняка умеешь - вот только все это впустую.

- Замолчи. Тебя несёт. Совсем как мою мать.

- Ты, дружище, обычный вор. Причем, глупый вор - крадешь то, что никогда не продашь.

- Замолчи, гений, я предупреждаю тебя.

И что с того, что он нажмет на спуск? - подумал Ротштейн. Прощайте, таблетки. Прощайте, сожаления о прошлом, прощайте, сожженные на жизненном пути мосты. Прощайте, судорожно исписанные тетрадки - каждая буква что расплющенная на бумаге мошка. Пуля в голову не так уж и плоха. Всяко лучше рака, всяко лучше Альцгеймера - которым пугают всех, кто много работал извилинами при жизни. Конечно, будут заголовки газет - порядочно я их навиделся еще до той дурацкой статьи в "Тайм"! Но если этот парень нажмет на спуск, мне не придется их

Конкурс на лучший перевод первой главы романа Стивена Кинга Finders Keepers

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>),
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>) и
Виктор Вебер

читать.

- Глупый ты человек, - сказал Ротштейн, ловя откровенный кайф от ситуации. - Ты думаешь, ты умнее тех двоих? Ничего подобного. Они хоть понимают, что деньги можно промотать. - Он подался вперед, уставившись в это бледное, испещренное веснушками лицо. - Знаешь что, парень? Из-за таких, как ты, чтение выходит из моды.

- Последнее предупреждение, - бросил Морри.

- Засунь себе в жопу свое "предупреждение". Или стреляй в меня, или выметайся.

И Моррис Беллами выстрелил.

© Перевод Джейме, 2015